Engraved by Henry Meyer

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

(Genlis), Мадлен Фелисите Дюкре де Сент-Обен (Ducrest de Saint-Aubin; 25.I.1746, Шансери, близ Отёна, — 31.XII.1830, Париж), графиня, — франц. писательница. Род. в знатной, но обедневшей семье. В 1762 вышла замуж за графа де Жанлис. Воспитывала детей герцога Орлеанского, для к-рых написала неск. дет. книг: «Воспитательный театр» («Théâtre d'éducation», 1780), «Адель и Теодор» («Adegrave;le et Théodore», 1782, рус. пер. 1791), «Вечера в замке» («Les veillées du château», 1784). После казни мужа по приговору революц. трибунала (1793) Ж. эмигрировала. При Наполеоне вернулась во Францию, где обучала его «хорошему тону» и получала небольшую пенсию. Уже в это время, а затем в эпоху Реставрации Ж. писала сентимент. романы из жизни светского общества, часто на историч. темы. Наиболее известны из них: «Мадмуазель де Клермон» («Mademoiselle de Clermont», 1802), «Герцогиня де Ла Вальер» («La Duchesse de la Valliegrave;re», 1804, рус. пер. 1804-05), «Мадам де Ментенон» («Madame de Maintenon», 1806, рус. пер. 1806), «Мадмуазель де Лафайет» («Mademoiselle de la Fayette», 1813, рус. пер. 1815-16) и др. Произв. Ж., легко и увлекательно написанные, с отчетливо выраженной нравоучит. тенденцией, были в свое время очень популярны, в т. ч. и в России. Ж. принадлежат также мало достоверные, но занимательные «Мемуары» («Mémoires», 1825).

- Жанлис Мадлен Фелисите
  - ○

Жанлис Мадлен Фелисите
Письмо Госпожи Жанлисъ изъ Швейцаріи

Я была въ гостяхъ у Михаила Шуппака, чудеснаго Медика, которой съ женою и съ дѣтьми поселился на высокой горѣ, откуда видъ прекрасной и гдѣ воздухъ удивительно чистъ. Онъ совсѣмъ не знаетъ Медицины, но вылечиваетъ почти всѣхъ больныхъ, которые переселяются къ нему жить: дѣйствіе, можетъ быть, горнаго воздуха и діеты. Его называютъ шарлатаномъ; но истинные шарлатаны не любятъ уединенія, а живутъ въ городахъ. Михаилъ Шуппахъ заставляетъ своихъ больныхъ много ходить, рано ложиться и вставать, работать въ опредѣленные часы и довольствоваться простою, здоровою пищею. Не лучше ли это всѣхъ пилюль и лекарствъ? Въ домѣ его есть горница, называется комнатою для безсонницы. Въ ней слышенъ безпрестанно шумъ водопада, склоняющій къ дремотѣ: что также лучше всякаго опіума. Я желала бы еще, чтобы хозяинъ отъ времени до времени занималъ гостей музыкою (которая можетъ быть лекарствомъ только изрѣдка); чтобы Михаилъ Шуппакъ говорилъ по-французски, былъ уменъ, чувствителенъ, пріятенъ въ разговорѣ и тогда сей философической Медикъ на горѣ своей могъ бы назваться первымъ лекаремъ въ свѣтѣ для всѣхъ хроническихъ болѣзней.

Вотъ любопытный анекдотъ, разсказанный мнѣ пріятелемъ Г. Тиссота. Сей славный Медикъ былъ въ дружеской перепискѣ съ Докторомъ и Литтераторомъ Циммерманомъ. Тиссотъ давно уже звалъ его въ Швейцарію на нѣсколько времени: наконецъ Докторъ Циммерманъ пріѣзжаетъ въ Лозану и — находитъ друга своего въ горячкѣ, въ безпамятствѣ и при дверяхъ гроба; не отходитъ отъ больнаго ни днемъ, ни ночью; даетъ ему лекарства и возвращаетъ здоровье. Тиссотъ, приходя въ чувство, узнаетъ все, чѣмъ онъ обязанъ дружбѣ, но въ самомъ началѣ его выздоровленія занемогъ Циммерманъ, и Лозанскій Медикъ имѣлъ случай отплатить ему за дружескую попечительность такою же услугою, Циммерманъ выздоровѣлъ и прожилъ годъ въ Лозанѣ. Съ того времени сердечная связь сихъ двухъ славныхъ и добродѣтельныхъ мужей продолжалась непрерывно до ихъ смерти.

1803